

УДК 930.2

**КАК «РУССКИЙ УЧЕНЫЙ» ВЫТЭСНИЛ
«РУССКОГО ПОЛКОВОДЦА»: ИЗМЕНЕНИЕ
ТЕМАТИКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР
В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
(по материалам «Ежегодника книги СССР»)**

М.А. Мамонтова

Аннотация

В статье на основе анализа «Ежегодника книги СССР» за 1945–1953 гг. рассматривается влияние социального заказа и внешнеполитических условий «холодной войны» на изменение исторической тематики. Прослеживается эволюция понимания идей патриотизма от консолидации со странами антигитлеровской коалиции в сторону борьбы с англо-американской агрессией и вытеснение военно-исторической проблематики темами о величии русской науки. Показывается формирование в пропагандистской сети образа русского ученого как активного борца за приоритет Советского государства на международной арене, как наставника в воспитании патриотических чувств советских граждан. В статье также прослеживается влияние космополитических кампаний на формирование изоляционистского образа советской науки.

Ключевые слова: историческая наука позднего сталинизма, «холодная война», космополитизм, советский патриотизм, пропаганда и агитация, Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний.

Период 1945–1955 гг. в истории Советского государства наполнен стремительно развивающимися событиями и противоречивыми тенденциями. На смену послевоенной эйфории приходит осознание сложности, порой неразрешимости международных и внутривнутриполитических проблем. В осложнившейся обстановке власть не только продолжает активно использовать пропагандистскую сеть для закрепления необходимых ей стереотипов и клише, но и значительно расширяет и укрепляет данную систему контроля над умонастроениями масс. Агитационные и пропагандистские каналы являются своеобразным отражением происходящих процессов, с одной стороны, и прямого политического заказа – с другой. Особое место в этой сети занимает общественно-политическая, научно-исследовательская и художественная литература.

Изменение общественно-политического климата в стране как целенаправленно, так и произвольно сказывается и на тематике исторических исследований. Историческая наука в лице профессионалов и любителей под влиянием социального заказа, соседствующего с прямым партийным диктатом, отдает предпочтение изучению и популяризации наиболее востребованных или даже заказных тем. Смена исследовательских установок историков и тематики их работ

хорошо прослеживается на основе анализа периодического систематического указателя «Ежегодник книги СССР», выпускавшегося Всесоюзной книжной палатой с 1925 г.

Классификация рубрик в ежегоднике демонстрирует приоритеты государства на том или ином этапе общественного развития. Хотя выход данного издания в период Великой Отечественной войны был временно приостановлен и тома указателя за 1941–1945 гг. формировались и публиковались уже после войны параллельно с текущими, тем не менее рубрика этих изданий отражает локализацию исследовательского и литературного интереса военного общества. Знаковым в структурных изменениях указателя является 1945 год, между двумя томами которого проведена четкая граница как между военным и послевоенным периодами советского общества. Первый том «Ежегодника книги за 1945 год», опубликованный лишь в 1949 г., отдает предпочтение темам о Великой Отечественной войне, партийным и комсомольским вопросам и марксистско-ленинской методологии, отодвигая сугубо исторические проблемы на одиннадцатую позицию, в то время как во втором томе, вышедшем в 1951 г., историческая тематика прочно и надолго закрепляется на шестой строке, пропуская вперед марксизм-ленинизм, партийные и комсомольские рубрики, «общественные науки в целом» и философию. Тема Великой Отечественной войны становится менее актуализированной, поэтому уже не присутствует во втором томе как самостоятельный раздел, а с 1954 г. исчезает и из классификации исторического раздела¹. Данная структура, заявленная во втором полугодии 1945 г., без изменений сохранилась до смерти И.В. Сталина. Исторический раздел в этом ежегоднике был представлен общими вопросами и историографией, специальными и вспомогательными историческими дисциплинами, всеобщей историей и историей отдельных стран, историей СССР, разбитой на историю до 1917 г., после Великой Октябрьской социалистической революции, историю отдельных народов и республик и историю СССР периода Великой Отечественной войны. Агитационные и пропагандистские материалы были включены в разделы «ВКП(б)» и «ВЛКСМ», но нередко дублировались и в исторической рубрике. Как мы видим, в данной градации историческое знание занимало ведущие (после философии) позиции.

Тематика исторических работ 1945 г., несмотря на их неоднозначную классификацию в двух томах, несла в себе отголоски военного периода и акцентировала внимание на подвигах и героизме русских воинов, в особенности великих русских полководцев (Александр Невский, Дмитрий Донской, А.В. Суворов, П.И. Багратион, адмиралы Ф.Ф. Ушаков и П.С. Нахимов) [1], на национально-освободительных движениях русского народа в эпоху военных действий и на истоках германского военного экспансионизма. В ряду обозначенных общих тем особый приоритет отдавался таким хронологическим отрезкам истории России, которые подчеркивали героизм русского народа в борьбе за независимость и государственную самостоятельность. Даже такие, казалось бы, не связанные с военной тематикой сюжеты, как возникновение русского государства,

¹ С 1945 по 1953 гг. в историческом разделе в рубрике «История СССР» под пунктом «г» были собраны исследования по «истории периода Великой Отечественной войны».

в сложившихся условиях приобретали ярко выраженный военный контекст. Например, в Ежегоднике за 1945 год упоминается вышедшая в 1942 г. монография Б.Д. Грекова с характерным названием «Борьба Руси за создание своего государства» (М.; Л., 1942). В военный период наиболее востребованной оказалась проблема русского патриотизма и национально-освободительного движения, которая в русской истории имела наиболее яркую иллюстрацию на примере периода начала XVII в. – Смуты в Московском государстве. Здесь в концентрированном виде высвечивались героические образцы отражения польско-шведской интервенции и национальных подвигов таких исторических личностей, как К. Минин и Д. Пожарский.

Одновременно с изучением вопроса о борьбе русского народа с иностранной интервенцией нарастает интерес и к национально-освободительным движениям вошедших в состав СССР территорий: Прибалтики и Восточной Пруссии, Белоруссии и Украины. Активные дипломатические переговоры о послевоенном устройстве Европы и стремление СССР расширить как свою территорию, так и свое влияние на страны Восточной Европы требовали исторического обоснования правомерности подобных претензий. Проводились широкие параллели между современностью и вековой борьбой литовского, украинского, белорусского и даже армянского народов за вхождение в состав России. Политика Советского государства изображалась как завершающий этап в развитии этого многовекового политического спора.

Самой объемной по количеству вышедших трудов была тема военных действий в русской истории, которая локализовалась вокруг двух крупных сюжетов: 1) стратегия и тактика крупных сражений в годы Северной войны (особое внимание уделено Полтавской битве) и русско-турецких войн XVIII – XIX вв. (где акцентируется внимание на Синопском и Наваринском сражениях) и 2) полководческий талант великих русских полководцев и адмиралов. В этих сюжетах подчеркивается героизм русского народа и идея о непобедимости русского оружия и непоколебимости русского государства, основанного на патриотизме народных масс.

Патриотические чувства советского народа воспитываются на конкретных исторических примерах, в основном военной тематики, хотя употребление самого термина «патриотизм» в 1945 г., судя по «Ежегоднику книги СССР», значительно ослабевает. Путем иллюстрации побед русского оружия и героизма русских военных демонстрируется мощь русского государства и формируется чувство национальной гордости и непобедимости. «Русский полководец» (или «русский военный»), становясь образцом для подражания, несет на себе ответственность за воспитание патриотизма народных масс советского общества.

В 1946 г. эта тема получает дальнейшее развитие, но уже с несколько иным подтекстом. В разделе «ВКП(б)» вновь всплывают идеи русского патриотизма и национальной гордости за великий русский народ [2]. Особенным лейтмотивом, появившимся именно в этот период (1945–1946 гг.), звучат труды о советской интеллигенции и советской (русской) науке [3], которые в данных разделах еще не смогли потеснить работы о великих русских полководцах и героическом прошлом России. В произведениях особо подчеркивается роль отечественных научных достижений в русле единого мирового развития, отсутствует

жесткое деление на западную и русскую науку. Интерес к ученым и к отечественной науке, возможно, был вызван несколькими факторами: внешнеполитическими (разработка и испытание мощного ядерного оружия), социокультурными (стремление перевести страну из военного положения на мирное устройство, где военный становился фигурой второго плана, а ученый с его открытиями и изобретениями, значительно улучшающими жизнь людей, – фигурой первого плана) и внутринаучными (220-летний юбилей Академии наук, pompезно отпразднованный в 1945 г., новейшие революционные разработки физиков, химиков, техников и др., расширяющие пространство человеческого влияния).

1946 год показал медленный поворот пропагандистской политики в сторону мирного государственного строительства, когда снова становятся востребованными темы, связанные с созданием и укреплением русского централизованного государства при Иване III, Иване IV и Петре I. Не покидают страницы ежегодника и проблема государственной зрелости и самостоятельности (независимости) восточнославянских племен в формировании своей политической системы, ставшая актуальной в годы Великой Отечественной войны в противовес идеям немецкой историографии о неразвитости и дикости русского народа. В обозначенной структуре вышедших исторических работ видно, как происходит поиск новых ориентиров общественного развития, как предпринимается попытка найти историческую платформу для современного послевоенного устройства.

Однако военная тематика по инерции еще не уступает свои лидирующие позиции, несколько корректируя акценты внутри себя. Наиболее востребованной среди опубликованных работ является биография Михаила Илларионовича Кутузова, что, видимо, было связано с празднованием его 200-летнего юбилея, в то время как о других знаменитых полководцах не вышло практически ни одного исторического труда. В качестве второй актуальной темы по-прежнему выступает национально-освободительное движение русского народа периода Смуты в Московском государстве с ведущей ролью главных героев движения – К. Минина и Д. Пожарского. Прежде популярная тема крупных сражений и героических побед русского оружия в баталиях и битвах вовсе исчезает из названий военно-исторических работ 1946 года.

1947 год наиболее ярко высветил политические интересы и пристрастия Советского государства как в агитационной тематике, так и в исторических работах. Как справедливо замечает А.В. Фатеев, в это время происходит окончательное формирование «образа врага» Советского государства и мирового общества на фоне идей советского патриотизма [4]. Поиски «лица» будущего врага Советского Союза целиком отразились на тематике работ международного раздела, в котором авторы еще до конца не определились с адресатом их критики: Ватикан, Китай или англо-американский империализм, но, несомненно, последнее количественно преобладает. Особенное беспокойство среди советских авторов вызывает «План Маршалла», интерпретируемый как «экономическое закабаление Европы», однако заголовки публикаций не носят еще истерично-кричащего характера, отличаются некоторой сдержанностью и вопросительной настороженностью.

В идеологическом плане тема военного патриотизма и непобедимости русского народа отходит на второй план, вытесняемая патриотизмом советской

интеллигенции [5] и величиим русской культуры и науки. При этом наибольшую активность в развитии данной тематики проявляет созданное незадолго до того Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которое в своей лекционной деятельности¹ делало акцент на международных и отчасти научных вопросах. Исторические исследования пока никак не реагируют на данный политический заказ. Историков, судя по заглавиям их трудов, по-прежнему больше интересуют две темы: героическое прошлое России с ее прославленными полководцами (причем героический ряд полководцев несколько расширился за счет В.А. Корнилова, Д.Н. Сенявина и П.А. Румянцева) и 800-летний юбилей Москвы. В «Ежегоднике книги...» даже была выделена специальная рубрика «Литература к 800-летию Москвы», куда из исторических работ вошли труды С.В. Бахрушина, И.И. Минца, А.М. Панкратовой, М.Н. Тихомирова, И.М. Разгона, Г.Д. Костомарова и др. Намного смелее ученые-историки стали и в определении конкретно-исторической тематики своих научных работ: от истории Киевской Руси и расцвета Московского государства периода Ивана IV до складывания Российской империи в эпоху Петра I. И лишь одна историческая работа, посвященная изучению истоков формирования русской науки, сумела чутко уловить политический заказ властей (см. [6]). В то же время на уровне рецензий, опубликованных на страницах ведущего исторического журнала «Вопросы истории», именно в этот год «усиливаются элементы негативной политизации», отрицающие объективность зарубежных исследователей и подчеркивающие переломный момент в развитии тематики исторических исследований (см. [7]).

В 1948 г. доля исторических произведений существенно сокращается при значительном росте числа трудов по международным проблемам, экономике, философии, в том числе по марксизму-ленинизму. Кричащие заголовки имели работы, посвященные фальсификации истории (появившиеся после опубликования в январе 1948 г. Англией и США секретных документов немецкой дипломатии накануне Второй мировой войны²), характеристике американской науки, политики, культуры, порой завуалированные под борьбу с буржуазной идеологией.

Наконец, становится заметным поворот к изоляционизму, возвеличиванию русской науки и культуры и среди исторических исследований. Одним из первых подобных трудов является работа В.В. Мавродина «Роль русской и советской науки в истории мировой культуры» (Л., 1948). Если в области профессионального исторического знания это первая «проба пера», то в истории науки естественниками (С.И. Вавиловым и В.В. Данилевским) выпускается целая серия книг, посвященных «людям русской науки». Среди персоналий, удостоенных вниманием авторов данной серии, *нет ни одного русского историка.*

¹ Около половины работ, упоминаемых в «Ежегоднике книги...» с 1947 г., являлись стенограммами публичных лекций, выпускаемых большими тиражами Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний.

² Как отмечает А.В. Фатеев, «в январе 1948 г. государственный департамент США в сотрудничестве с английским и французским МИД издал сборник документов “Нацистско-советские отношения 1939–1941”, в котором советская сторона изображалась агрессором, одним из виновников развязывания Второй мировой войны. Реакция Кремля последовала незамедлительно: Совинформбюро под руководством Б. Пономарева уже в феврале подготовило и опубликовало справку “Фальсификаторы истории”» (см. [4]).

Парадокс, но одновременно с появлением трудов о великих русских ученых исчезают исследования о великих русских полководцах. «Русский ученый» вытесняет «русского военного». Кроме двух работ о героическом прошлом и одной о современных великих победах нет ни одной по военной тематике.

В 1949 г. усиливается критика буржуазной философии, иностранной фальсификации, акцентируется внимание на превосходстве русской (советской) науки и культуры над буржуазной (см. [8]), на героическом прошлом русского народа; в характеристике конкретно-исторических проблем также начинают звучать нотки превосходства и величия русской истории. Примечательно, что такие нотки появляются не в фундаментальных исторических исследованиях, а в стенограммах лекций Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, но именно они позволяют утверждать, что и профессиональные историки наконец-то начинают плодотворно усваивать и использовать в своих работах новую терминологию, сформированную в рамках идеологических кампаний по борьбе с космополитизмом. Своего рода «водоразделом», обозначившим начало очередной борьбы с внутренним врагом, стала работа В.В. Мавродина «Борьба с норманизмом в русской исторической науке» (Л., 1949).

Вскоре такой враг будет вполне определен – это космополит. Тема космополитизма появляется в названиях трудов только в 1950 г., когда кампания была уже в самом разгаре. В вышедших работах космополитизм наделяется качественными характеристиками не только «буржуазного», но и «американского» космополитизма и противопоставляется советскому (русскому) патриотизму [9]. В борьбе против американской буржуазной философии и идеологии важное место отводится патриотическому воспитанию советских людей, в котором именно история занимает ведущее место [10]. При этом воспитание советского патриотизма теперь строится не столько на славных военных подвигах русских полководцев (в этом году, так же как и в предшествующие 1948–1949 гг., практически нет публикаций о великих полководцах), сколько на многочисленных примерах беззаветного служения отечественной науке русских (советских) ученых. В связи с этим даже возрастает интерес к трудам самих героев-ученых.

1951 год, развивая тематику исторической фальсификации, враждебности и реакционности идеологии и морали американского империализма, неразрывно связанного с буржуазным космополитизмом, вносит свою специфику в заголовки научно-популярных трудов: идеалы науки и чистого научного знания, возможного только в пределах Советского Союза, вступают в непримиримую борьбу не просто с буржуазной, а с космополитически ориентированной американской буржуазной наукой, наукой «поджигателей войны». Из заглавий работ становится видно, что научное знание окончательно теряет свое мировое объединяющее начало, свою аполитичность, воспринимаемую ранее как объективность. Наука становится полем непримиримой борьбы, идеологической войны двух систем: советской (русской) патриотичной социалистической и буржуазной (как правило, американской) космополитичной капиталистической, причем последняя связывается с намерением разжечь очередную войну при помощи достижений науки. Примечательно, что подавляющая часть упомянутых трудов вышла благодаря деятельности Всесоюзного общества, активное ядро которого

составляли советские ученые, вышла в виде научно-популярных изданий, рассчитанных на широкую аудиторию советских слушателей, а не узких специалистов, и своими заголовками рапортовала об успешном выполнении очередного политического заказа, данного ученым со стороны власти. В научно-исторических исследованиях молниеносно выполнить данный политический заказ было весьма затруднительно¹, поэтому по-прежнему разрабатывается уже обозначенное направление о великом (славном) прошлом русского народа, о его героях. Однако в отличие от предыдущих лет все отчетливее звучат темы о путях развития советской науки, ее основных задачах и ее достижениях и превосходстве (см. [11, 12]).

В 1952 г., судя по заголовкам работ, которые теперь звучат еще более остро (в них появляются такие слова, как *мракобесие*, *людоедство*), борьба с американским империализмом и космополитизмом, с реакционной буржуазной проамерикански ориентированной наукой лишь усиливается, для чего предлагаются собственные «рецепты» развития подлинно научного знания [13]. Выход в свет большинства отмеченных работ явился результатом популяризаторской деятельности Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (особенно по советской науке), в то время как по истории слушателям были предложены в качестве стенографированных лекций всего лишь две темы: о крестьянской войне Е. Пугачева и героическом подвиге Александра Невского. В исторической тематике наблюдается некоторый всплеск интереса к Отечественной войне 1812 г. в связи с ее 140-летием и к истории Древней Руси до XVII в. в связи с 70-летним юбилеем ее старейшего исследователя Б.Д. Грекова. Можно предположить, что исследователи, пытаясь «углубиться» в древнюю эпоху, старались избежать политизированных и идеологизированных тем, что также поддерживалось и культивировалось школой Б.Д. Грекова.

Смерть И.В. Сталина внесла некоторые коррективы в тематику опубликованных работ уже в 1953 г. При значительном сокращении количества работ в историческом блоке наблюдается развитие интереса к древнейшему периоду, что, видимо, явилось результатом оживленной дискуссии в языкознании. В этой дискуссии особое место занимала проблема происхождения и расселения восточнославянских племен. Тема о приоритете русской науки отходит на второй план, а история славного военного прошлого России по инерции развивается в трудах, посвященных русским полководцам и раннему периоду русского военного искусства. В идеологическом плане продолжается острая критика американо-английского (и в целом европейского) империализма и науки.

Проведенный библиографический обзор «Ежегодника книги СССР» за 1945–1953 гг. позволяет связать изменение научно-исследовательской тематики исторических сочинений с прямым политическим заказом и со стремительно меняющимися общественно-политическими условиями развития науки. Победоносное завершение Великой Отечественной войны, послевоенные трудности восстановления народного хозяйства и улучшения жизни советских граждан способствуют потере интереса к военной проблематике и к актуализации так

¹ В истории России сложно было найти примеры враждебности американцев кроме периода гражданской войны, поэтому проводились широкие параллели, в которых немецкий фашизм был заменён на американский империализм.

называемых «мирных тем». Среди этих тем особое место занимает «русский ученый», на которого возлагались огромные надежды в восстановительном процессе. Становясь центральным героем послевоенного советского общества, он вытесняет ранее популярного «русского военного», но наследует у своего предшественника – «русского полководца» – схожие функции, связанные с воспитанием чувств патриотизма и самопожертвования ради расцвета советской науки, а значит, Советского государства. Обострившаяся международная обстановка, свидетельствующая о переходе давнишнего политического спора о послевоенном устройстве и распределении сфер влияния в стадию так называемой «холодной войны», внесла свои значительные коррективы в понимание идей советского патриотизма и призвания советского ученого. Отныне шла непримиримая борьба не с фашистскими захватчиками, покушавшимися на независимость Советского государства, а с американо-английскими империалистами, использующими достижения науки для установления мирового господства и порабощения. Советский ученый в связи с этим был призван вести борьбу за установление приоритета советской науки во всех областях знания, а вся предшествующая история развития русской науки изображалась как постоянная непримиримая борьба с космополитическими тенденциями в среде русского дворянства, буржуазии и политического руководства. Отныне русский ученый и русская наука мыслились не как часть мирового научного потенциала, а как глубоко национальное, передовое явление, противостоящее буржуазной науке и борющееся с космополитическими тенденциями, подрывающими приоритет Советского государства в мире.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (государственный контракт № 02.740.11.0350).

Summary

M.A. Mamontova. How “Russian Scientist” Supplanted “Russian Warrior”: Change of Historical Research Themes in the USSR in the First Postwar Decade (Based on the Materials from “Annual Publication of USSR”).

The article considers the influence of social procurement and foreign policy conditions of “cold war” upon the changes of historical issues. Analysis is carried out on the basis of “Annual publication of USSR” in 1945–1953. The evolution of understanding the idea of patriotism is traced from consolidation with the anti-Nazi coalition countries towards the struggle against British and American aggression, military-historical issues being edged out by the issues of the prominence of Russian science. The article shows the formation of Russian scientist image in propagandistic system as an active fighter for the Soviet international priority, as a leader in cultivating the patriotism among Soviet citizens. The impact of cosmopolitan campaigns on the formation of isolationist image of the Soviet science is traced.

Key words: historical science of the late Stalinism, “Cold war”, cosmopolitanism, Soviet patriotism, propaganda and agitation, the all-USSR Society for promoting political and scientific knowledge.

Литература

1. Великие русские полководцы. – М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1944. – 40 с.
2. Бахрушин С. Великий русский народ. – Таллинн: Полит. лит., 1946. – 32 с.
3. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Сб. ст. – М.: Моск. гос. ун-т, 1946. – Т. II, Кн. 1–2, Вып. 103–104; Т. III, Кн. 1–2, Вып. 106–107.
4. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 261 с.
5. Кафтанов С.В. О патриотическом долге советской интеллигенции. Стенограмма публ. лекции. – М.: Правда, 1947. – 32 с.
6. Мавродин В.В. Формирование русской науки. Стенограмма публ. лекции. – Л.: Всесоюз. о-во по распр. полит. и науч. знаний. Ленинград. отд., 1947. – 26 с.
7. Колеватов Д.М. Начало «холодной войны» и поворот к изоляционизму в исторической науке (по материалам журнала «Вопросы истории») // Исторический ежегодник. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – Вып. 2. Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования. – С. 26–33.
8. Кафтанов С.В. О превосходстве советской социалистической культуры над буржуазной. Стенограмма публ. лекции. – М.: Правда, 1949. – 32 с.
9. Карповиц Э. О патриотизме, интернационализме и космополитизме. – Рига: Латгиз, 1950. – 26 с.
10. Михайлов А.А. Значение отечественной истории для воспитания советского патриотизма. Стенограмма лекции. – Киев: О-во по распр. полит. и науч. знаний УССР, 1950. – 20 с.
11. Панкратова А.М. Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и задачи исторической науки. Стенограмма публ. лекции. – Киев: О-во по распр. полит. и науч. знаний, 1951. – 40 с.
12. Вавилов С.И. Пути развития советской науки. – М.: Иногиз, 1951. – 20 с.
13. Иовчук М.Т. Борьба мнений и свобода критики – закон развития советской науки. – Свердловск: Свердловгиз, 1952. – 26 с.

Поступила в редакцию
07.10.09

Мамонтова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

E-mail: omichka@inbox.ru